

УДК 378-055.2(470)(091)

Doi: 10.26456/vtpsyed/2024.1.244

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ УРОКИ ОБЩЕСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНИЦ
И УЧИТЕЛЬНИЦ В ПРАКТИКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1889–1900)**

Т.С. Ковыльникова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Работа посвящена одной из малоизученных страниц истории высшего женского образования в России – деятельности Коллективных уроков Общества воспитательниц и учительниц, заменивших в сложное десятилетие 1889–1900 гг. все другие закрытые правительством женские курсы Москвы. До сих пор Коллективные уроки не становились предметом специального научного исследования. Целью статьи является обобщение разрозненной информации о создании и деятельности Коллективных уроков и оценка их значения для отечественного образования конца XIX в., а также введение в научный оборот очерка А.Я. Рабинович «Страница из истории высшего женского образования в России».

Ключевые слова: *история высшего женского образования, высшие женские курсы, Коллективные уроки Общества воспитательниц и учительниц.*

Созданию высшего женского образования в России посвящен довольно обширный круг научной литературы [15, с. 21–22]: однако тема не теряет своей актуальности, а многие ее аспекты нуждаются как в дальнейшей конкретно-исторической разработке, так и в теоретическом осмыслении. Не все вопросы этой многогранной проблемы изучены и освещены в литературе, до сих пор остаются не опубликованы и не включены в научный оборот сохранившиеся свидетельства многих современников событий [9, с. 169]. Ярким тому подтверждением является деятельность Коллективных уроков Общества воспитательниц и учительниц – сюжет, который либо совсем не упоминается в исследованиях по истории высшего женского образования, либо раскрывается в самых общих чертах [7, с. 103, 9, с. 174–175, 12, с. 116, 13, с. 19–22, 14, с. 30–31, 15, с. 84–85, 16, с. 37–38, 23, с. 65, 25, с. 21–22]. История Коллективных уроков не становилась предметом специального исследования. Отрывочная информация о них встречается в работах, посвященных деятельности Министерства народного просвещения [11, с. 362, 6, с. 48]: в научных биографиях отечественных педагогов [24, с. 4], а также в опубликованных воспоминаниях преподавателей и слушательниц Коллективных уроков [3, с. 144–145, 4, с. 151, 10, с. 230–241, 17, 21, с. 140–141, 22, с. 273–274]. Они освещают отдельные аспекты

© Ковыльникова Т.С., 2024

вопроса, но не дают общей картины и всеобъемлющей оценки деятельности Коллективных уроков – одного из немногих очагов женского образования в Москве в период, когда высшие женские курсы там оказались под запретом (1889–1899). В этой связи особый интерес представляет текст доклада бывшей слушательницы Коллективных уроков, кандидата медицинских наук Анны Яковлевны Рабинович «Страница из истории высшего женского образования в России», представленного ею на заседании секции педагогики и психологии Московского дома ученых 7 мая 1946 г. [18]. Материалом для выступления А.Я. Рабинович послужили записки А.Г. Вербловской, воспоминания А.Н. Шереметевской, З.В. Кикиной, А.А. Фортунатова, С.Н. Ньюберг-Кашкиной и ее собственные воспоминания, относящиеся к 1889 г. Они содержат информацию об организации и работе Коллективных уроков, о преподавателях – выдающихся ученых рубежа XIX–XX вв., позволяют составить портрет московской курсистки последнего десятилетия XIX в. и, таким образом, представляют собой ценный источник по истории отечественного образования.

События, связанные с созданием, а затем закрытием высших женских курсов в России, имели широкий общественный резонанс и стали предпосылкой возникновения Коллективных уроков.

Вопрос о высшем образовании для женщин поднимался российской общественностью еще в первой половине XIX в., так, например, профессор С.П. Шевырѐв в 1835 г. говорил своим слушателям, что «только тогда общество станет вполне культурным, когда наравне с мужчиной будет идейно работать и женщина» [12, с. 106]. В 40–50-е гг. XIX в. девушки уже появлялись на публичных лекциях. По воспоминаниям А. Крашенинниковой, масса женщин стекалась слушать Т.Н. Грановского, который в это время пользовался большой популярностью в Москве [12, с. 106]. Особенно остро проблема была поставлена при обсуждении проекта университетского устава 1863 г. Н.И. Костомаров, например, высказывался за превращение университета в открытое для всех учебное заведение, «в систему публичных лекций, преподаваемых не для учащегося юношества, а для любознательных людей обоюбого пола, всякого звания и возраста» [19, с. 414]. Советы университетов в Санкт-Петербурге и Казани выступали за право женщин посещать лекции в качестве вольнослушателей, а советы Харьковского и Киевского университетов даже считали возможным допустить их к высшему образованию и получению ученых степеней наравне с мужчинами [5]. С началом либеральных реформ в конце 1850-х – начале 1860-х гг. девушкам действительно было разрешено присутствовать на лекциях в Петербургском университете и в Медико-хирургической академии на правах вольнослушательниц [14, с. 6–7]. По воспоминаниям В.И. Герье, и в Москве в начале 1860-х годов «были женщины, проникавшие

на лекции университета и надеявшиеся там утвердиться» [9, с. 169]. Однако вместе с изданием либерального университетского устава 1863 г. появился циркуляр Министерства народного просвещения, запретивший женщинам посещать публичные лекции под предлогом их недостаточной подготовки к университетской программе [1, с. 62, 12, с. 110]. В качестве компромисса правительством была разрешена организация Высших женских курсов. Немаловажным фактором, повлиявшим на положительное решение этого вопроса, стал наплыв русских женщин в заграничные вузы. Так, в 1865 г. из 152 обучающихся в Цюрихском университете иностранных студенток, 145 были русскими [12, с. 110]. Правительство было обеспокоено тем, что молодежь попадала в Европе под влияние политической агитации и возвращаясь в Россию вступала на путь революционной борьбы [13, с. 10].

В 1869–1870 гг. в Санкт-Петербурге были созданы Аларчинские и Владимирские, а в Москве – Лубянские женские курсы [13, с. 11], однако содержание их учебных программ, приближенное к образованию в мужских классических гимназиях, не давало им статуса высших учебных заведений [9, с. 170]. В 1872 г. появились московские курсы профессора В.И. Герье с вузовской общеобразовательной программой преподавания, ставшие первыми высшими женскими курсами не только в Москве, но и во всей России [13, с. 13]. Они явились прототипом для Казанских курсов, организованных в 1876 г. при университете [5]. Вслед за этим началась цепная реакция создания высших женских учебных заведений по всей стране. В 1878 г. открылись высшие женские курсы в Киеве и в Санкт-Петербурге (Бестужевские) [13, с. 13]. Первоначально все они являлись частными учебными заведениями и находились под бдительным надзором Министерства народного просвещения [19, с. 512].

В период правления Александра III в стране развернулась борьба со студенческими беспорядками. По воспоминаниям современников, университетский режим в 80–90-е гг. XIX в. напоминал полицейский участок [18, л. 4]. А.Н. Реформаторский писал о 1880-х гг. как о «сером сонном периоде в русской жизни» [17, с. 15], а А.Э. Вормс называл начало 1890-х гг. мрачным временем, «когда самому скромному начинанию в области народного просвещения ставились почти неодолимые препятствия, сломившие энергию многих лиц, бравшихся за работу на этом поприще» [17, с. 60].

Эти процессы затронули и зарождавшееся высшее женское образование [19, с. 627]. Новый министр народного просвещения И.Д. Делянов называл создание женских курсов «роковой случайностью» [6, с. 454] и подчеркивал, что, поступая на них, «девицы не приносят с собою должной подготовки и потому не понимают или превратно понимают читаемые им лекции» [19, с. 660].

В октябре 1884 г. в Москве на Страстном бульваре состоялась демонстрация в знак протеста закрытия Киевского университета, она

была разогнана жандармами, а среди арестованных участников оказались слушательницы курсов В.И. Герье. Впоследствии редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков описывал, как курсистки «бросались к прохожим, призывая их самым нахальным образом на помощь гонимых и преследуемых студентов» и предлагал И.Д. Делянову закрыть «зловредные притоны всяческого разврата, именуемые женскими курсами» [14, с. 28].

В декабре 1884 г. при Министерстве народного просвещения была учреждена особая комиссия об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования во главе с князем М.С. Волконским. Одним из результатов деятельности комиссии стало закрытие высших женских курсов [2]. В решении особого совещания под председательством И.Д. Делянова от 1886 г. говорилось, «что пока не будет выработан устав, программы и правила предполагаемого высшего женского учебного заведения, необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах молодых девиц, ищущих не столько знания, сколько превратно понимаемой ими свободы» [19, с. 627–628]. С этого года запрещался прием новых слушательниц Московских высших женских курсов, весной 1888 г. состоялся последний выпуск. Передовой общественности удалось отстоять только Санкт-Петербургские Бестужевские курсы (новый набор был разрешен в 1889 г., но на более жестких условиях [25, с. 21]), остальные открылись вновь лишь через 14 лет, в 1900 г. [8, с. 11].

В этот непростой период у бывших курсисток оставалась возможность посещать публичные лекции, читаемые профессорами Московского университета в здании Политехнического музея (с 1886 по 1892 гг.) [14, с. 30]. Другим очагом женского просвещения стали Коллективные уроки Общества воспитательниц и учительниц, открытые в 1889 г. [18, л. 5]. В качестве исторической справки отметим, что само Общество было основано в 1870 г. и первоначально занималось трудоустройством учительниц, приезжавших в Москву из провинции. В 1872 г. для них при Обществе были созданы педагогические курсы (позже получают название «Тихомировские») [12, с. 107]. Согласно уставу, Общество воспитательниц и учительниц имело право устраивать для своих членов библиотеку, собеседования, приглашать лекторов для чтения курсов, что и позволило открыть здесь Коллективные уроки [10, с. 231]. Они создавались без лишнего шума и привлечения внимания властей, чем объяснялось их неприметное, а по словам А.А. Кизеветтера, «довольно нелепое» название [10, с. 231]. А.Я. Рабинович в своих воспоминаниях называет слушательниц «коллективистками» [18, л. 10].

Первоначально Коллективные уроки представляли собой мало систематизированные чтения, но быстро оформились в два профильных направления с университетской программой (историко-филологическое и естественно-математическое) [15, с. 84, 18, л. 4]. Каждое из них развивалось самостоятельно, независимо друг от друга, имея свой отдельный

бюджет и своих слушательниц. Цель (подготовка к педагогической деятельности в женских средних школах), содержание, структура (два факультета) и состав преподавателей (профессора Московского университета) позволяют говорить о том, что Коллективные уроки продолжили дело закрытых курсов В.И. Герье [7, с. 103, 13, с. 20]. Здесь работали как светила русской науки, так и начинающие преподаватели, в дальнейшем ставшие известными учеными (И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, М.М. Гарднер, Д.Н. Прянишников, М.А. Мензбир, М.И. Коновалов, А.Н. Реформаторский, С.А. Чаплыгин, А.А. Кизеветтер, С.Ф. Фортунатов, Р.Ю. Виппер, А.А. Мануйлов, П.И. Новгородцев, др.). Цикл естественных наук был представлен блестящими именами и, в отличие от курсов В.И. Герье, преобладал над гуманитарными дисциплинами [14, с. 30]. Сам Владимир Иванович Герье давал Коллективным урокам не слишком высокую оценку: «общество гувернанток устроило на основании своего устава так называемые коллективные уроки, которые ни по своей программе, ни по своей цели далеко не замещали высших женских курсов» [4, с. 151]. Однако работавшие на них лекторы смотрели на ситуацию иначе: «в течение двух-трех лет из этого маленького семени выросло целое дерево. <...> Коллективные уроки стали превращаться в настоящие высшие женские курсы университетского характера», – писал А.А. Кизеветтер [10, с. 232]. В.И. Вернадский относил их к переходному типу образования, находящемуся между средней и высшей школой, называл «высшей школой низшего типа» (к нему же причислял, например, Александровский лицей и Училище правоведения). Несмотря на меньший чем в университете объем знаний и отсутствие широкой научной работы учащихся, он считал учебные заведения этого типа перспективными и достаточными для решения задач практической жизни [3, с. 144–145].

Управлением Коллективных уроков занимался Совет, включавший трех членов комитета Общества воспитательниц и учительниц, всех преподавателей и нескольких слушательниц (по две от каждого курса) [12, с. 117]. При этом особую роль в организации работы Коллективных уроков играли супруги Шереметевские – Анна Николаевна (родная сестра актрисы М.Н. Ермоловой) и Всеволод Петрович. Их инициативу, энтузиазм и энергию, направленные на общее благо, отмечали многие современники [10, с. 231, 18, л. 3]. Оба преподавали в 4-й Московской женской гимназии и работали на Лубянских курсах, где Анна Николаевна вела практические занятия по сравнительной анатомии животных, а Всеволод Петрович – курс по высшей математике. Многие выпускницы 4-й женской гимназии, увлеченные уроками В.П. Шереметевского, по его приглашению становились «коллективистками» [18, л. 5, л. 47].

Курсы не получали никаких субсидий от правительства, средства Коллективных уроков складывались из взносов слушательниц и

общественных пожертвований. Плата за годовой урок составляла 10 рублей, за обучение на историко-филологическом факультете – 30 рублей, а на естественно-математическом – 50 рублей в год [12, с. 118]. Важное значение имели пожертвования «ревнителей» высшего женского образования. Так, например, большую часть расходов в течение первых четырех лет брала на себя М.Ф. Морозова, а бывшие слушательницы Лубянских курсов после их закрытия передали в фонд Коллективных уроков не только имущество, но и 2800 рублей собственного капитала [12, с. 116–117]. А.Н. Шереметевская, будучи распорядительницей курсов, выполняла свою работу безвозмездно, а слушательницы часто помогали в качестве лаборанток, что позволяло экономить на расходах [18, л. 10]. Два раза в год с целью сбора средств для Коллективных уроков устраивались вечера, на которых неизменно присутствовала актриса М.Н. Ермолова, солисты Большого театра П.А. Хохлов и М.А. Дейша-Сионицкая, виолончелист А.А. Брандуков, пианист А.И. Зилоти. По воспоминаниям А.Я. Рабинович, на одном из таких концертов А.И. Зилоти играл, а его двоюродный брат, тогда еще молодой С.В. Рахманинов переворачивал ноты [18, л. 42]. Все они выступали бесплатно, и за счет вырученных средств появлялась возможность даже командировать за границу наиболее талантливых слушательниц (именно так в Европе получила законченное образование по химии З.В. Кикина) [18, л. 42].

Коллективные уроки представляли собой вечерние занятия, посещать которые могли все члены Общества воспитательниц и учительниц, что обеспечивало их многочисленный состав. По воспоминаниям А.Я. Рабинович и А.Н. Шереметевской, в первый год своего существования Коллективные уроки собрали 40 человек, а в 1899 г. – около 1000 [17, с. 50, 18, л. 8]. А. Крашенинникова писала о том, что «к концу их существования слушательницы насчитывались тысячами» [12, с. 117]. Однако согласно официальным данным (выписка из журнала Департамента промышленности, науки и торговли от 19 января 1900 г., №74), число обучающихся женщин в 1898 г. достигало 665 человек [20, стб. 743]. В научном исследовании, посвященном 100-летию открытия курсов В.И. Герье, встречаем информацию о 800 слушательницах в 1898–99 уч. г. [13, с. 20]. Такое расхождение в цифрах, возможно, объясняется тем, что наряду с курсистками и вольными слушательницами Коллективные уроки посещали девушки, выбравшие один-два предмета по своему усмотрению, а не весь курс целиком [18, л. 7]. В любом случае, необходимо отметить бурный рост и популярность Коллективных уроков.

Социальный состав слушательниц был очень разнообразен. В основном это были девушки, ориентированные на педагогическую деятельность, небольшая часть мечтала о научной работе. Встречались «барышни», приезжавшие со своими гувернантками, и не имевшие конкретной цели обучения, однако их было не много, особенно на

естественном отделении. А.Я. Рабинович вспоминала курьезный случай, когда на вопрос распорядительницы о том, куда желает записаться будущая курсистка, ее мать отвечала: «Не все ли равно, чему учиться в 18 лет», но узнав о практических занятиях, где вскрывают лягушек, ужаснулась и выбрала историко-филологическое направление [18, л. 38].

Первоначально Коллективные уроки проходили в доме Общества Русских врачей (Арбат, 25), в котором Общество воспитательниц и учительниц занимало два этажа. В дальнейшем в связи с постоянным расширением курсы неоднократно переезжали: сначала в «даровое помещение» в полуподвальном этаже дома Сабашниковых на Арбате (сегодня здесь находится театр им. Е.Б. Вахтангова), затем в чердачное помещение дома Ланиных на Тверском (в будущем ставший известным как магазин Елисеева) и, наконец, в дом Гирш на углу Поварской улицы и Мерзляковского переулка. По воспоминаниям А.Я. Рабинович, в доме Гирш у Коллективных уроков появились и прекрасные аудитории, и лаборатории, которые в 1900 г. перешли к Московским высшим женским курсам [18, л. 7–8], однако до этого пришлось преодолеть немало трудностей. А. Крашенинникова, например, описывала занятия, проходившие на чердаке, «иногда в такой мороз, что замерзала вода в пробирках. <...> в таких условиях приходилось работать по 4–5 часов подряд» [12, с. 118]. Проблемы не останавливали ни преподавателей, ни слушательниц. Несмотря на «невозможно бедную обстановку» Коллективных уроков в первые годы их существования, М.И. Коновалов проводил практические занятия по химии, которых, по воспоминаниям А.Н. Реформаторского, на тот момент не было еще ни в одном высшем учебном заведении России. «Московский университет ввел их только в самые последние годы и то в сравнительно скромной форме», – писал он в начале XX в. [17, с. 13–14]. В лаборатории М.И. Коновалова стулья превращались в штативы, камин или просто железная печь – в вытяжной шкаф, «склянки собирались со всего света», а на средства Коллективных уроков приобреталось только самое необходимое [17, с. 46–47]. Замечая неудобства в работе с неисправным инвентарем, Михаил Иванович ободрял девушек: «Надо уметь работать не только на готовых приборах, надо уметь собрать весь прибор, уметь найти хорошую пробку и пригнать ее к посуде» [18, л. 11]. «В этом отношении мы проходили хорошую школу, благодаря которой многие из нас сумели побеждать трудности и работать в самых примитивных условиях», – вспоминала впоследствии А.Я. Рабинович [18, л. 12].

Готовность московских профессоров содействовать развитию женского образования очень живо иллюстрируют воспоминаниями А.Н. Шереметевской о том, как она, «смущенная дерзостью своей миссии», приглашала на Коллективные уроки И.М. Сеченова. «Ну, как звать читать физиологию старого, почтенного профессора, да еще всемирного ученого, зная, что у нас нет ни лабораторий, ни какой-либо возможности

заплатить приличный гонорар. Но пока я думала с чего начать, М.И. догадался сам. "Ну, знаю. Это вы приехали звать меня читать у вас физиологию там где-то", – он неопределенно махнул рукой. <...> "Ну, я буду у вас читать два часа в неделю и денег с вас не возьму. А лаборанту платите". От неожиданности и такого ответа у меня почти буквально закружилась голова, я схватила его за руки и только могла сказать: "Иван Михайлович, неужто"» [18, л. 14–15]. По словам А.Я. Рабинович, на лекции И.М. Сеченова собиралось до 100 человек, а многие женщины слушали его курс по два раза [18, л. 17].

Еще один пример энтузиазма и самоотверженности находим в работе В.И. Вернадского, читавшего минералогию и кристаллографию. «Труд профессоров был, конечно, даровой... Как только они [Коллективные уроки] открылись, я получил возможность проводить курсисток-специалисток на практические занятия в Минералогический кабинет через ход, ведущий в библиотеку Московского общества испытателей природы. Я предупреждал всегда ректора, что провожу эту работу специалисток тайным путем» [24, с. 4]. Коллективные уроки позволяли получить широкое естественно-научное образование, что подтверждали успехи их слушательниц, так, в 1898 г. появилась печатная работа одной из первых женщин-геологов в Российской империи, выпускницы Коллективных уроков А.Б. Миссуны «О кристаллизации сернокислого аммония» [24, с. 4] (в дальнейшем она преподавала на Московских высших женских курсах). По оценке доктора геолого-минералогических наук В.А. Варсанюковой, именно в период работы В.И. Вернадского на Коллективных уроках создавался новый подход к минералам, зарождалась новая минералогия [18, л. 44].

Серьезное и ответственное отношение к занятиям подтверждали «репетиции», проводившиеся профессорами для проверки знаний слушательниц [18, л. 10]. Так как Коллективные уроки не давали выпускницам никаких прав, а освоенный курс подтверждался лишь частным свидетельством за подписью преподавателей [12, с. 118], экзамены («репетиции») были не обязательны, однако девушки старались их не просто сдать, а сдать как можно лучше. Одно из самых ярких воспоминаний бывших курсисток было связано с экзаменами у М.И. Коновалова, которые он проводил у себя дома. Доверие со стороны преподавателя и вся обстановка настолько поражали девушек, что честный и хороший ответ на «репетициях» становился для них «долгом чести» [18, л. 13]. Михаил Иванович рассматривал «репетиции» как средство обучения, в процессе он охотно беседовал с ученицами, не только задавая вопросы, но и разъясняя материал [17, с. 45]. В.Ф. Давыдовский, преподававший физику, на «репетициях» спрашивал каждую слушательницу очень детально и строго почти в течение целого часа [18, л. 29]. Такое серьезное отношение к получаемым знаниям в

дальнейшем помогало выпускницам Коллективных уроков успешно выдерживать экзамен на право преподавания в средних учебных заведениях.

Воспоминания преподавателей и выпускниц свидетельствуют об очень теплой и дружеской атмосфере, сложившейся на Коллективных уроках [10, с. 235, с. 240–241, 22, с. 273]. «Мы были избалованы отношением к нам преподавателей курсов, их стремлением помочь нам в нашей работе», – писала А.Я. Рабинович [18, л. 12]. Общение выходило за рамки только учебной деятельности, что укрепляло взаимопонимание и доверие. Традицией стали вечеринки, на которых присутствовали только преподаватели, слушательницы и распорядительница, «все, кто составлял дружную семью Коллективных уроков» [17, с. 50]. Горячие споры, веселый смех, захватывающие рассказы и пение хором продолжались далеко за полночь [18, л. 41]. По средам устраивались вечера у Шереметевских, где бывал и И.М. Сеченов, и (изредка) К.А. Тимирязев, и другие лекторы. Часто их посещала сестра хозяйки, актриса М.Н. Ермолова, которая являлась кумиром для молодежи [18, л. 26]. Время проходило в оживленных спорах на политические темы, в непринужденной беседе, пении, чтении вслух произведений Л.Н. Толстого и за скромным ужином с шутками и обязательным тостом «за процветание женского образования» [18, л. 27–28]. По воскресеньям один раз в две недели профессора, доценты, слушательницы и выпускницы Коллективных уроков собирались у С.Ф. Фортунатова. И здесь серьезные темы сменялись шутками, велись разговоры о литературе, театре, об академических, газетных и политических новостях, порой разгорались горячие споры. К столу традиционно подавался большой пирог с капустой или мясом и кофе с молоком. Д.М. Петрушевский однажды пошутил, что к этому пирогу относится так же серьезно, как к английской конституции, после чего С.Ф. Фортунатов спрашивал у каждого нового гостя, указывая на пирог, соблюдает ли тот конституцию, а когда кто-то вместо кофе попросил чай, то чай стали называть «дополнением к конституции» [18, л. 35]. Подобные встречи были очень важны для молодых людей, так как позволяли им войти в круг лучших представителей московской интеллигенции. В близости и доверии была особенность Коллективных уроков, сделавшая этот короткий и непростой период в истории высшего женского образования одной из самых светлых ее страниц [18, л. 41, л. 56 об.].

Слушательницы Коллективных уроков вели активную общественную жизнь – преподавали на Пречистенских курсах для рабочих, в клубах при заводах и фабриках, бесплатно занимались в общеобразовательных воскресных школах для взрослых, ежегодно устраивали елку для бедных детей своего района, а за счет привлеченных пожертвований одевали и кормили нуждавшихся, раздавали игрушки. По воспоминаниям современников, многие девушки участвовали и в

революционном движении, состояли в подпольных кружках, устраивали явочные квартиры, вели агитационную работу, некоторые из них оказывались в тюрьмах и в ссылке [18, л. 39, л. 47 об., л. 57].

Судьба Коллективных уроков всегда «висела на волоске», их существование зависело от настроения попечителя учебного округа, и каждую весну «коллективистки» встречали тревожным ожиданием учебных планов на следующий год [18, л. 39]. К концу 1890-х гг. рост популярности Коллективных уроков все же привлек к ним внимание. В письме министра внутренних дел И.Л. Горемыкина министру народного просвещения Н.П. Боголепову от 31 октября 1898 г. говорилось о возможной угрозе «противоправительственных веяний и начинаний» со стороны общедоступных и «стоящих вне правильного контроля» Коллективных уроков. Н.П. Боголепов поддержал идею и в своем обращении к Государственному совету выразил опасение, что «столь многолюдные собрания молодых девиц, допускаемых к слушанию почти без всяких ограничений», принесут больше вреда, чем пользы [11, с. 362]. Выбирая в такой ситуации из двух зол меньшее, канцелярия попечителя Московского учебного округа выдвинула проект закрытия Коллективных уроков и возобновления Московских высших женских курсов. Проект был одобрен Н.П. Боголеповым и реализован постановлением Государственного совета от 05 апреля 1900 г. [13, с. 21]. В состав Попечительского совета Московских высших женских курсов включили представителя Общества воспитательниц и учительниц, что позволило, с одной стороны, подчеркнуть преемственность этих учреждений, с другой, успокоить общественное мнение, недовольное роспуском Коллективных уроков [13, с. 23]. Преподаватели, работавшие там, составили костяк профессуры возрожденных Московских высших женских курсов [16, с. 38].

Коллективные уроки при Обществе воспитательниц и учительниц, созданные усилиями энтузиастов и существовавшие во многом благодаря бескорыстному труду русских ученых, профессоров и преподавателей, продолжили дело, начатое В.И. Герье, и развивали высшее женское образование в самые сложные 1890-е гг. По мнению А.А. Кизеветтера, то, что Высшие женские курсы были возрождены уже как правительственное учреждение, было заслугой именно Коллективных уроков. «Это скромнейшее вначале учреждение в несколько лет развилось в такое крупное дело, что в правящих сферах наконец пришли к заключению, что отделаться от высшего женского образования все равно никак не удастся, так уж лучше взять это дело в руки правительственной власти, не оставляя его на произвол частной инициативы» [10, с. 234–235]. Коллективные уроки стали одним из просветительных центров Москвы, и как отмечал В.И. Вернадский, сыграли важную роль в истории русской культуры XIX в. [3, с. 144–145]. Эпоха Коллективных уроков и Высших женских курсов подарила стране

много талантливых женщин, сыгравших важную роль в развитии просвещения, образования и науки в XX в. (А.Б. Миссуна, Е.Д. Ревуцкая, М.Н. Нагибина, А.Я. Рабинович, др.).

Список литературы

1. Богуславский М.В. Владимир Иванович Герье – создатель высшего женского образования в России // Вестник образования России. 2019. №19. С. 57–66.
2. Борташевич И.В. Московские высшие женские курсы и Комиссия князя М.С. Волконского // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2016. №2. С. 100–109.
3. Вернадский В.И. Задачи высшего образования нашего времени // Метафизика. 2014. №4(14). С. 139–148.
4. Воспоминания профессора В.И. Герье. 1894 год в истории Московского университета // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 131–152.
5. Гафаров А.А. Высшие женские курсы // Казанский федеральный университет. URL: https://kpfu.ru/about_university/struct/direkciya-muzeev-kfu/muzei-kfu/vysshie-zhenskie-kursy-432227.html (дата обращения: 20.07.2023).
6. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX начале XX века: в 2-х т. М.: Мариос, 2011. Т. 1. 648 с.
7. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: [б. и.], 1991. 392 с.
8. Иванова Т.Н. Место В.И. Герье в российской культуре последней трети XIX в. // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 9–12.
9. Иванова Т.Н. У истоков высшего женского образования в России: организационная деятельность В.И. Герье в свидетельствах современников // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №37(175) История. Вып. 6. С. 169–176.
10. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914). М.–Берлин: Директ-Медиа, 2016. 484 с.
11. Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX – нач. XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей. Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С. 319–372.
12. Крашенинникова А. Высшее женское образование в Москве // Москва в ее прошлом и настоящем: в 12 выпусках. Вып. XII. М.: Образование, 1912. С. 106–120. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/939-t-12-1912> (дата обращения: 31.01.2024).
13. Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина: 1872–1972 / под ред. Н. Кузнецова. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. 317 с.
14. Московский педагогический государственный университет. 125 лет. М.: Флинта, 1997. 560 с.
15. На перекрестье времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет: монография. М.: МПГУ, 2022. 832 с.
16. Очерки истории Московского педагогического государственного университета. М.: Прометей, 2002. 480 с.
17. Памяти Михаила Ивановича Коновалова: сборник статей. Москва: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. 68 с.
18. Протокол и стенограмма заседания секции педагогики и психологии Московского дома ученых от 7 мая 1946 г. по обсуждению доклада

- Рабинович А.Я. на тему: «Страница из истории высшего женского образования в России» и материалы к ним // Научный архив РАО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 30.
19. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 / сост. С.В. Рождественский. СПб.: М-во нар. прос., 1902. [2], II, 785, [2] с.
 20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 17: Царствование государя императора Николая II, 1900-й год. 1904. 2284, 36 стб. URL: <https://www.prlib.ru/item/443029?ysclid=ls0bnm0113176276147> (дата обращения: 31.01.2024).
 21. Секенова О.И., Пушкарева Н.Л. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX – начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. №49. С. 132–153.
 22. Сеченов И.М. Автобиографические записки. М.: Издательство Академии медицинских наук СССР, 1952. 292 с.
 23. Трубина Л.А., Лазарева Е.Ю. Эпоха Герье // Наука и школа. 2017. №5. С. 61–68.
 24. Федоров П.П. Вернадский: жизнь, наука, особенности мышления // Вестник МИТХТ. 2013. Т. 8. №3. С. 3–8.
 25. Эвенчик С.Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР: сборник статей. М.: [б.и.], 1972. С. 4–99.

Об авторе:

КОВЫЛЬНИКОВА Татьяна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: kovylnikova.ts@tversu.ru

THE COLLECTIVE LESSONS OF THE SOCIETY OF EDUCATORS AND TEACHERS IN THE PRACTICE OF HIGHER WOMEN'S EDUCATION IN RUSSIA (1889–1900)

T.S. Kovylnikova

Tver State University, Tver

The article is devoted to one of the little-studied pages in the history of higher female education in Russia – the activities of the Collective Lessons of the Society of Educators and Teachers. In the difficult decade of 1889–1900s, the Collective Lessons replaced all other women's courses in Moscow, which were closed by the government. The Collective Lessons have never been the subject of special scientific research. The purpose of the article is to summarize scattered information about the Collective Lessons, assess their significance for Russian education at the end of the 19th century, as well as introduce into scientific circulation the memoirs of A.Ya. Rabinovich «A page from the history of higher female education in Russia».

Keywords: *history of higher female education, higher women's courses, the Collective Lessons of the Society of Educators and Teachers.*

Принято в редакцию: 26.01.2024 г.

Подписано в печать: 28.02.2024 г.